

Юрий Бондарев

МАЛЯРИЯ

Быки

Была война и неистовая жара в Казахстане. Раскаленное солнце висело над степью, жгло мне затылок, и сквозь молотообразные удары в висках я слышал сверлящий треск кузнечиков, глухое позвякивание металлических заноз в деревянном ярме на шеях двух быков, запряженных в арбу. Быки, худые, изморенные зноем, не переставали жевать свою жвачку; в уголках их бездумных глаз черным роем шевелились мухи, а они, не моргая, стояли терпеливо и равнодушно, видимо привыкнув к этой постоянной муке, к этой рабьей покорности ежедневной пытке.

Я работал в степи первый день, все время помня ядовитое выражение на крепких чугунно-загорелых лицах скирдовщиков, встретивших меня в колхозной конторке неприязненно, насмешливыми взглядами. Был я в легких парусиновых туфлях, в белых расклешенных брюках с надраенной морской бляхой на ремне, эвакуированный городской мальчишка, форсоватый по виду, совершенно непонятный этим выросшим в степи парням.

Морская бляха и расклешенные мною летние брюки отца, которые он носил еще в тридцатых годах, были знаками моей школьной мечты о флоте. Тогда слова «шхуна», «бригантина», «шкипер» и «марсель», вычитанные из книг, вызывали у меня святой трепет, мысли о дальних странствиях, тугом и ласковом ветре над солнечно-белыми парусами, о неведомых перламутрово-сияющих лагунах в теплых морях, о чужих и незнакомых портовых городах,

залитых огнями, с ночным запахом гниющих бананов на берегу, вблизи которого покачивались в черном, южном небе созвездия фонарей на поскрипывающих мачтах. В восьмом классе я наизусть выучил морскую терминологию, названия снастей парусного флота по разным старым учебникам и сноскам в романах Джека Лондона. Я даже выменял у кого-то лоскут тельника и, пришив его к майке, ходил с расстегнутым воротником рубашки, чтобы виден был этот пленительный кусочек моря. При одном взгляде на него я испытывал запах ветра и далеких пространств.

В девятом классе с надеждой поступить в военно-морской клуб я спал зимой с открытой форточкой, по утрам выжимал гантели, купил морскую бляху и ходил по-матроски – чуть враскачку, как бы приучая себя к ныряющей под ногами палубе.

В тот жаркий август сорок первого года, вернувшись после рытья окопов под Смоленском, я не застал в Москве родных и только по записке матери, оставленной управдому, нашел после долгих поисков семью, эвакуированную в Казахстан. И тут вдруг понял: все прежнее, детское уходило, исчезало, подобно тому как кончается и сказка о Золотом дворце среди синего моря и доброй колдовской Жар-птице, – я был старший в семье и теперь знал, что мать и младшие сестры стали моей ответственностью.

– Ось яка гарна пряжка! – сказал в конторке бригадир скирдовщиков Бендрик, покатоплечий, весь напоминающий железный клин острием вниз, и, захохотав, подергал пальцем бляху на моих брюках, едко спросил: – В Москве що – мода така? Иль просто цацка?

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66